

Хаялева А.К.

Социальность как условие герменевтичности.

На первый взгляд, казалось бы, какое может вообще возникнуть противоречие между такими понятиями, как герменевтическая практика и социальность? Какая, спросите вы, может быть практика без социальности? Действительно, процесс интерпретации как способ познания изначально нагружен социальной материей и носит культурно-исторический характер. Субъект интерпретации – всегда конкретно-исторический и всегда исторически-всеобщий представитель человечества, транслирующий превращенные формы собственной исторической эпохи в продукты духовного производства. Вопрос, с которым мы столкнулись: как интерпретативная деятельность может носить исторический характер, и в этом плане о какой практике может идти речь в условиях потери/смерти субъекта в дискурсе 21 века?

Проблема интерпретации в герменевтике немыслима без рассмотрения субъекта толкования, т.к. он и является основным актором, «героем» интерпретационной деятельности. Субъект строится из предрассудков (пред-понимания), он детерминирован культурным фоном (Гарфинкель), языком (в том числе социолектом), «символическим универсумом». Ницше отмечает, что нет неистолкованной реальности, мы всегда имеем дело с теоретическим, а не эмпирическим фактом. Кроме того, мы не должны превращать процесс интерпретации в естественный механизм, так как она по своей природе представляет собой не рефлекс, а рефлексию. Таким образом, можем заключить, что проблема интерпретации предваряется проблемой воспитания и самообразования субъекта. Мир традиционного смысла открывается интерпретатору лишь в той мере, в какой ему при этом проясняется одновременно его собственный мир.

Продолжая рассуждение, нам хотелось бы обратить ваше внимание на такой феномен, как перевод. Нельзя не согласиться, что перевод – это она из разновидностей интерпретационной деятельности. Но анализируя подходы к проблеме перевода, мы нашли общее основание: он не может и не должен быть рассмотрен как механическое переложение знаков. Каждый переводчик по-новому членит текст и экзистенциально его проживает. «В этом же русле и философия работает не над уточнением понятий, она предлагает новую языковую игру». Возникает ответственность такого перевода, который не нарушал бы включенный в оригинальный источник социальный субстрат, воспроизводил новый. В рассуждении на тему структурализма в книге Н. Автономовой мы наткнулись на следующую мысль: «Главный метод истории культуры как науки - это обратный перевод постольку, поскольку вся история заключается в том, что разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания...» И в ситуации воссоздания культурного пласта народа/эпохи/исторического факта, мы попадаем в ситуацию ответственности.

Еще один момент, на котором мы хотели бы остановиться при обозначении сфер влияния социального на герменевтическую практику – это пространство отсутствия. Отсутствующая структура выступает некоторым полем согласия, она дает возможность разрешить конфликтную ситуацию благодаря непониманию.

Леви-Стросс, исследуя множественные структуры, выходит на мысль о том, что все сложные идеи исходят из основополагающих и предельно простых (в смысле дальнейшей неразложимости): это идеи бога и его принципиальной противоположности – ничто. Другой момент, что проблема незнания, отсутствия или умолчания, рассмотренная в культурологическом срезе, находит глубокие основания в человеческой деятельности, в общественном производстве.

Русский философ, переводчик и лингвист В. Библихин отмечает, что любой язык в своей основе бинарен – состоит из слова и молчания. Второй компонент – это не (всегда) отсутствие какого бы то ни было смысла, значения. Благодаря способности выбирать, в

человеческом языке всегда есть некоторые разрывы, лакуны, вопросы или просто – «живая жизнь».

Рассуждая о базовых категориях герменевтики, нельзя не отметить, что при наличии субъекта интерпретации, актора собственной деятельности, мы не можем говорить о потере субъектных качеств в пространстве социальной материи. Сравнивая и анализируя пространство социального и закономерности герменевтической практики, мы нашли общие основания, которые позволяют нам заключить о наличии метафизических скрепов в интерпретационной деятельности. Анализ схожих оснований позволил выявить формулу, благодаря которой наш субъект способен актуализировать собственные метафизические качества (потребности, свойства) и не потерять своей субъектности. Один из вариантов выражения – это пространство отсутствия, которое выставляет себя как культурологическая ориентация человеческой свободы.

История философии знает разные формы ответственности: ответственного слова, ответственного письма. Существует, на наш взгляд, еще одна форма: ответственное молчание. В ситуации тотальной мифологизации и идеологизации социального пространства именно «право на молчание» кажется действительным и действенным способом сохранить (и не развратить) «сакральное» и собственную субъектность как одну из главных человеческих ценностей.